

К. МАННГЕЙМ

КОНСЕРВАТИВНАЯ МЫСЛЬ

ВВЕДЕНИЕ

1. Стили мышления

Существуют два основных способа писания истории идей. С одной стороны - нечто, что можно назвать способом «повествовательным», на основе которого мы показываем попросту переход идей от одного мыслителя к другому и ведем эпический рассказ об ее развитии. С другой стороны, существует способ, с которым я хотел бы поэкспериментировать в данном тексте, связанный с созданной недавно социологией знания.

Ядро этого способа - концепция стиля мышления. История мысли рассматривается при таком подходе не как обычная история идей, а через анализ различных стилей мышления, их рождения и развития, слияния и упадка; ключом к пониманию изменений мысли служит меняющийся общественный фон, прежде всего судьба классов и общественных групп, которые выступают «носителями» этих стилей мышления.

Англосаксонская социология выработала понятие, очень близкое к немецкому «стилю мышления», а именно «мыслительные навыки», но, хотя сходных черт много, нельзя забывать и о различиях. Определение «мыслительные навыки» описывает лишь то обстоятельство, что люди автоматически пользуются уже имеющимися образцами не только во внешнем поведении, но и в мышлении. Большинство наших интеллектуальных реакций имеет нетворческий характер и представляет собой повторение определенных тезисов, форма и содержание которых были переняты нами из культурной среды в раннем детстве и на более поздних стадиях нашего развития, и которые мы автоматически используем в соответствующих ситуациях. Они представляют собой, таким образом, результат условных рефлексов, подобно другим привычкам. Но определение это нельзя считать удовлетворительным, поскольку оно касается только одного аспекта интересующей нас проблемы. Понятие «стиля мышления» родственно ему в той мере, что также исходит из утверждения: - индивиды не создают мыслительных образцов, благодаря которым они понимают мир, а перенимают эти образцы у своих социальных групп. Наша концепция предполагает, однако, менее механистический подход к истории мысли. Если бы мышление развивалось исключительно через создание навыков, те же самые образцы распространялись бы вечно, а изменения и новые навыки неизбежно оставались бы редкостью. Более внимательно изучение истории мысли показывает, что в обществах дифференцированных и особенно динамичных образцы человеческого мышления непрерывно подвергаются изменениям. Следовательно, если мы хотим рассмотреть эти разнородные формы мышления, то должны пользоваться такими категориями как «стиль», поскольку с «созданием навыков» далеко не уйдем.

По сути дела, именно история искусства дает нам понятие, которое вполне отражает особенности истории мысли. В истории искусства всегда играла особую роль концепция стиля, позволяющая классифицировать сходства и различия, встречающиеся в разных формах искусства. Каждый согласится с мнением, что искусство развивается благодаря стилям, и что эти стили появляются в определенное время и в определенном месте, и по мере развития выявляют определенным образом свои формальные тенденции. Современная история искусства выработала довольно точный метод классификации важнейших стилей и реконструкции (в рамках отдельных стилей) постепенных процессов изменений, благодаря которым мелкие изменения аккумуля-

Mannheim K. Conservative thought // Mannheim K. Essays on sociology and psychology. London, 1953.

руются, приводя к полному изменению стиля. Этот метод стал настолько точным, что позволяет практически во всех случаях безошибочно установить дату создания произведения искусства путем простого формального анализа его компонентов. Обученный историк искусства всегда сможет сказать, даже не зная прежде произведения, что «это было написано в таком-то и таком-то году художником такой-то школы». Утверждение такого рода не является домыслом, поскольку искусство действительно развивается «стилями», а в рамках отдельных стилей мы имеем дело с постепенными изменениями во времени, благодаря чему можем локализовать неизвестные до сих пор произведения искусства.

Я выдвигаю тезис, что человеческая мысль также развивается «стилями», и что различные школы мышления можно различать благодаря различным способам использования отдельных образцов и категорий мышления. Таким образом, должна быть возможна «локализация» анонимного текста как анонимного произведения искусства, если только мы дадим себе труд реконструировать различные стили мышления, свойственные данной эпохе, и их варианты, свойственные отдельным индивидам.

В истории философии и литературы мы пользуемся в первом приближении подразделением на «средневековую», «ренессансную», «либеральную» и «романтическую» школы, что может создать впечатление, будто концепция стилей мышления общепринята, но в действительности мы чаще всего не отдаем себе в этом отчета по двум причинам. Во-первых, мы полагаем, что мышление одно, одинаковое у всех людей, если признать ошибки и отклонения второстепенными факторами. Во-вторых, мы имеем дело с предположением (противоречащим предыдущему), что каждый человек мыслит индивидуально и независимо от остальных. В этом случае преувеличиваются неповторимые черты каждого индивидуального мышления, а влияние общественной среды при этом игнорируется. Если бы мы применили эти предположения к истории искусства, то должны были бы принять либо, что не существует ничего, кроме искусства как такового, либо, с другой стороны, что каждый художник представляет собой неповторимое, самодостаточное целое. Мы не отрицаем ценности мышления об искусстве вообще, не отрицаем также различий между отдельными художниками и их вкладом в искусство - но важнейшей единицей анализа, должен оставаться стиль эпохи, на фоне которого достижения отдельного индивида можно заметить и оценить. Однако именно этого среднего уровня анализа между уровнем наиболее абстрактным и наиболее конкретным нет в истории мысли. Мы слепо не замечаем существования стилей мышления, поскольку наши философы стараются нас убедить, что мысль не развивается как интегральная часть исторического процесса, а снисходит на человечество как абсолют; историки же литературы в монографиях выдающихся писателей, как правило, убеждают себя, что конечным источником всякой мысли является личность. Первая из названных концепций представляет историю мысли искусственно гомогенной и недифференцированной, в то время как другая ее атомизирует. Именно вследствие отсутствия интереса к среднему уровню мы не развивали до сих пор инструментов познания, позволяющих различать стили мышления. Мы не замечаем основополагающих различий в стилях мышления, поскольку не верим, что они существуют. Если бы мы дали себе труд исследовать мелкие изменения в развитии какого-либо способа мышления определенной общественной группы на протяжении ее истории, искусственно созданная гомогенность или атомизация уступили бы место подлинной дифференциации.

Именно этим мы намерены заняться в данной работе. Мы хотели бы взглянуть на мыслителей данного времени как на представителей различных стилей мышления. Мы хотим описать их различные способы подхода к проблемам как отражение взглядов соответствующих групп. В рамках этого метода мы надеемся показать как внутреннее единство стиля мышления, так и мелкие отклонения и модификации, которые должен претерпеть понятийный аппарат всей группы по мере того, как группа меняет свое положение в обществе. Это означает, что мы должны более внимательно проанализировать понятия, используемые мыслителями из разных групп, существующих в определенной эпохе, чтобы выяснить, не используют ли они порою идентичные

термины, придавая им различные значения. Ядром нашей исследовательской техники будет, таким образом, анализ значений. Слова никогда не означают одно и то же, если произносятся представителями разных общественных групп, даже в одной стране. А мелкие различия смысла служат лучшим проводником к различным мыслительным тенденциям определенного общества.

2. Соотношение между стилями мышления и их общественным фоном

Прежде чем дать в развитии наш метод доказательства, что стили мышления существуют как относительно независимые целостности, мы должны посвятить несколько слов общественным «носителям» этих стилей. Подобно тому, как невозможно описать стиль в искусстве без описания артистических школ и общественных групп, которые стиль «представляет», так мы никогда не поймем изменений в стилях мышления без исследования общественных групп, выступающих носителями этих изменений. Взаимоотношения между стилем мышления и его общественным носителем непросты. Быть может, правда, что наиболее широкие изменения классовой структуры общества лежат в основе важнейших изменений стилей мышления, но в случае более мелких изменений эта общая гипотеза нуждается в модификации. Главным показателем того, что существует связь между существованием и судьбой общественных групп, с одной стороны, и определенными стилями мышления, - с другой, служит то обстоятельство, что неожиданный крах определенного стиля мышления, как правило, совпадает с неожиданным крахом групп - носителей этого стиля; так же сплав двух стилей мышления соответствует сплаву групп. Есть основания предполагать, что такая же связь между стилями мышления и их носителями существует не только в поворотных точках истории и в периоды общественных кризисов. Судьба группы явно находит отражение в малейших изменениях в развитии стиля мышления.

3. «Основные мотивы»

Каждое исследование изменения стилей мышления, характерных для первой половины XIX века, должно начинаться с утверждения, что французская революция действовала как катализатор на различные виды политической деятельности и на различные стили мышления.

Сказанное до сих пор указывает на факт, что стиль мышления касается более чем одной области человеческого самовыражения: он охватывает не только политику, но также искусство, литературу, философию, историю и т.д. Более того, это предполагает, что динамическая сила, скрытая за изменчивостью стиля мышления, находится глубже, под конкретной поверхностью различных способов самовыражения.

История искусства стала научной дисциплиной тогда, когда стала историей стилей искусства. Точное описание отдельных стилей искусства стало возможным только тогда, когда Ригль ввел понятие «эстетического мотива», имея в виду стремление к определенным формам искусства, чьим выражением был данный стиль. Это понятие позволило ему соотнести все произведения искусства какого-то конкретного периода с основополагающим и в течение большей части времени совершенно неосознаваемым понятием, в духе которого, как очевидно, все тогдашние художники создавали свои произведения. Ригль не описывал эти эстетические мотивы, эти стремления к различным стилям в искусстве неясным, субъективным образом, но показал, что они присутствуют в различных произведениях искусства данного периода. Ученый тщательно их анализировал, выявляя развитие, распад, слияние и переплетение с другими.

Понятие «основополагающего мотива», которое мы хотим ввести как понятие более глубокое, чем стиль мышления, весьма схоже с понятием эстетического мотива, введенным Риглем, хотя имеются и существенные различия. Прежде всего понятие это относится не к искусству, но выражает идею, что разные подходы к миру в конечном счете ответственны за разные способы мышления. Эта основополагающая

ориентация предопределяет характеристику стиля мышления. Она воплощается в типичных для данного стиля документах и высказываниях. Но если, с точки зрения Ригля, такой стилистический принцип (этот эстетический мотив) не требует дальнейшего выяснения причин и не имеет собственных социальных корней, то социологу нельзя предполагать, что основные мотивы, проявляющиеся в различных стилях, «упали с неба». Мы должны предположить, что и они все еще находятся, так сказать, «в процессе становления», что их история и судьба связаны различными узлами с судьбой групп, признаваемых их общественными носителями. Ригль писал о чистой истории идей, и ни о чем более. В то время как у него свободный дух каким-то чудом сообщал нам свои приговоры, в соответствии с формулируемым здесь взглядом недостаточно выявить в процессе имманентного анализа формального принципа, формулируемого определенной школой, основополагающий эстетический мотив, поскольку необходимо еще показать, что он родился в конечном счете из борьбы и конфликтов между общественными группами. Время от времени можно им пользоваться, трактуя как имманентный принцип, чтобы показать: сознание не действует атомизированно, собирая бесформенные опыты; однако мы должны отдавать себе отчет в том, что даже в процессе переживания опыта определенные детерминанты, исходящие от группы, оказывают влияние на индивида, формируя его потенциальный опыт и знания. Эти детерминанты можно изучать, ставя вопрос об общественных причинах, которые их породили.

4. Конкретный пример: немецкий консерватизм первой половины XIX века

Следующая задача состоит в отыскании подходящего материала, на котором можно опробовать новый метод. Мы выбрали развитие консервативной мысли в Германии в первой половине XIX века. Такой выбор позволяет сосредоточиться на относительно ограниченном отрезке, на анализе одного периода, одной страны и одной социальной группы. Большое достоинство такого подхода состоит в том, что легко доступны все опубликованные или иначе сохранившиеся высказывания группы. Это дает возможность полностью реконструировать на всей протяженности стиль мышления и легче выявить связи с социальными группами, скрывающимися за стилем. Дополнительным обоснованием выбора служит тот факт, что после французской революции развилась тенденция к «поляризации» в мышлении, т.е. стили мышления развивались в явно центробежных направлениях. Осью разделов были различия, выявившиеся под натиском событий французской революции. Различные стили мышления развивались в соответствии с партийными направлениями, так что можно говорить о мысли «либеральной» или «консервативной», а позднее также о «социалистической». Тенденция к поляризации была особенно явственна именно в Германии, где всегда существовало стремление к крайностям в сфере извлечения конечных выводов и в логической аргументации, - эта тенденция по большей части отсутствовала в тогдашней Европе. Указанные различия легко продемонстрировать на примере романтизма.

Романтизм - европейское явление, которое возникло более или менее в один и тот же период во всех странах; отчасти как реакция на идентичные обстоятельства и проблемы, связанные с рационализированным миром капитализма, отчасти же как результат вторичных идеологических влияний. Основная причина этого распространенного исторического явления, таким образом, общая и состоит в общем сходстве глобальной ситуации в различных странах Запада. Однако романтизм был разный в отдельных странах, и эти различия всегда выступали следствием культурных и социальных особенностей соответствующих наций.

Бросается в глаза, например, что, сравнивая отдельных романтиков, мы можем заметить: во Франции романтизм развивался главным образом в поэзии, в то время как в Германии он выражал себя прежде всего в философии. Романтическая поэзия представляет собой менее характерную черту немецкого романтизма, чем немецкая романтическая философия. В этом проявляется большая интенсивность реакции на философском уровне в Германии по сравнению с другими странами Европы. Как уже

показал Маркс, ключом к пониманию современности служит осознание того факта, что Германия пережила французскую революцию в плоскости философии.

В той мере, в которой центром тяжести немецкого романтического идеализма была философия, немецкая контрреволюция, или противоположность революции (если воспользоваться традиционным французским определением), бросила вызов революционно-либеральной мысли и ее логическим и философским следствиям в значительно более полной степени, чем в какой-либо другой стране. Если Франции выпала роль радикального реформатора всех просветительских и рационалистических элементов сознания, если она стала признанным носителем «абстрактной» мысли, то можно сказать, что Германия сыграла дополняющую роль, превратив консервативную, органичную, историческую мысль в оружие, дав ей внутреннее единство и собственную логику. Даже это идеологическое различие между двумя странами имеет свои корни в определенных общественных и исторических силах. Обычно Англию считают родиной эволюционного развития, романтики же обратили внимание на консервативный характер этого постепенного развития, представив Англию как страну эволюционную и консервативную. В определенной степени это, несомненно, правда, особенно если сравнить Англию с Францией, типичной радикальной революционной страной Нового времени. Однако черты эволюционности мы находим также и в истории Германии. В Германии не было революции (радикальной во французском смысле), в крайнем случае - внутренние боли и кратковременные беспорядки. Но постепенное развитие в Англии было возможно благодаря огромной эластичности консервативных классов и их способности адаптироваться к новым обстоятельствам, что заранее обеспечивало им сохранение власти. В Германии же эволюционный характер развития был главным образом следствием сильного давления господствующих групп на нижние слои, что предотвращало революционный взрыв. Существование сильного барьера, предохраняющего от всякого рода внутренних беспорядков, несомненно связано с подчинением немецкого общества военной организации, что в свою очередь связано с географическим положением, особенно Пруссии, между двумя враждебными странами, приведшим к созданию военизированного государства. А это означало весомую поддержку консервативному движению и его интеллектуальному и эмоциональному развитию.

Это различие в характере развития двух обществ, настолько эволюционных, что там не происходили неожиданные взрывы, но существенно различных в своем составе, должно было повлиять на форму и структуру их идеологии. Наиболее заметно это влияние проявилось в политических антагонизмах, выступивших в начале того периода, о котором идет речь.

В Германии либерализм долгое время не имел связей с консерватизмом и не оказал на него заметного влияния. Только у Штала можно выявить первые следы влияния либералов на консерваторов. До этого времени течения резко отличались друг от друга. С другой стороны, отношения между тори и вигами в Англии до 1790 г. были таковы, что практически невозможно описать их в немецких терминах. Речь в первую очередь идет о том, что партия, называвшаяся в Германии либеральной, не напоминала английских вивгов. То, что основополагающие стремления и практические общественные мотивы, стоящие за консерватизмом, проявлялись в немецкой мысли в такой явной и чистой форме, связано, вероятно, с практически антитетической структурой немецкой политической жизни, то есть с ситуацией, в которой даже частичное взаимопроникновение партий и общественных слоев, имевшее место в Англии, было невозможно. Еще более важной была способность немецкого консерватизма защищать свои позиции в периоды угрозы, а также обстоятельство, что в то время как консерватизм долгое время развивался совершенно независимо от либерализма, последний позволил консервативным элементам внедриться на свою территорию. Насколько можно судить, Англия никогда не проявляла такой крайней поляризации, даже в более поздний период, когда французская революция привела к обострению общественных отношений в этой стране.

Более того, в Германии за консерватизмом стояло более полувека непрерывного интеллектуального развития. Таким образом, у консерватизма было время окрепнуть

и философски вооружиться, не ощущая отягощения требованиями парламентской жизни, которая непрестанно втягивала бы его во фракционные столкновения и мешала его чистоте и преемственности. Как только начинается парламентская жизнь, четкие контуры «Weltanschauungen» и идеологии моментально стираются. Они могут дожить, размытые, до сего дня потому, что период инкубации, так сказать, был у них очень длительным, идеология могла, следовательно, развиваться методично и целостно в соответствии с собственными логическими принципами. Магия французской революции дала соответствующий стимул для занятий этими философскими и политическими проблемами, в то время как упрямые факты действительности еще недостаточно вызрели, чтобы требовать действий, которые неизбежно ведут к компромиссу и логическим несоответствиям.

Итак, ситуация выглядела следующим образом: под идеологическим давлением французской революции в Германии развивалось противодвижение мысли, сохраняющее длительное время чисто интеллектуальный характер и вследствие этого способное к наиболее полному развитию собственных логических предпосылок. Это движение было «продумано основательно и до конца». Контрреволюция появилась не в Германии, но именно там были наиболее точно продуманы ее лозунги и извлечены из них логические выводы.

Главный фактор пришел из Англии - в то время значительно более зрелой политически по сравнению с Германией. Автором был Берк. Немцы внесли в этот процесс «основательного продумывания до конца» философскую глубину и усиление начатых Берком тенденций, соединив их с чисто немецкими компонентами. Характерен даже способ восприятия и усвоения Берка. Берк был всем чем угодно, только не тем, чем считали его первый переводчик на немецкий Гентц и его друг А. Мюллер.

Мюллер видит в нем реакционера, в то время как Берк, хотя и становившийся все более консервативным по мере старения, сохранял так много из концепции Свободы, что даже современные нам английские либералы могут цитировать его для поддержки своего движения.

Иными словами, Германия сделала для идеологии консерватизма то, что Франция сделала для Просвещения - использовала ее до логического предела. Просвещение за-, родилось в Англии, в ведущей и наиболее прогрессивной стране капитализма; затем оно перешло во Францию, где приобрело наиболее радикальную, наиболее абстрактно-атеистическую и материалистическую форму. Контрреволюционная критика французской революции также была начата в Англии, но наибольшей целостности достигла на немецкой земле. Подлинно основополагающие элементы мышления, например, «историзм», в эмбриональной форме можно найти уже у Берка. Но «историзм» как метод и как философское воззрение вытекает, из немецкой консервативной мысли и появляется окончательно в Англии как эффект немецких влияний. Мэйн в «Древнем праве» (1861) выступает как ученик Савиньи. Тот факт, что в Германии консерватизм был доведен до логического завершения, а противоречия эпохи обнажены с такой полнотой, вытекает частично из того, что здесь отсутствовал многочисленный средний класс, способный удерживать общественное равновесие и искать независимого равновесия между двумя крайностями. Если подобный средний класс вообще существовал, то он либо развивался интеллектуально в рамках консерватизма, играя смягчающую роль, о чем мы еще скажем, либо срывался в крайний, либерально-схоластический догматизм, который только усиливал крайности. Уже существовавшая тенденция к поляризации была усилена влиянием географического фактора. Рейнская область и южная Германия попали под непосредственное французское влияние, став резиденцией немецкого либерализма, Пруссия же и Австрия стали бастионами консерватизма. Это географическое различие, не говоря уже о различиях экономических, обостряло противоречия.

Если принять во внимание все названные факторы, станет ясно, что противоречия между либеральной и консервативной мыслью в наиболее острой и логически цельной форме мы можем найти в Германии первой половины XIX века, поскольку общественные силы сделали здесь возможным такое развитие, которое во Франции и в Англии не вышло из стадий запутанных и сложных, а в Германии достигло наивысшей

степени логической и структурной ценности. Поэтому именно в указанный период истории Германии мы можем наиболее полно выявить влияние общественных сил на логическую структуру мышления. Поэтому также мы выбрали данную проблему как исходный пункт нашего анализа значения политических элементов в развитии мысли.

Однако выбор этот имеет и недостатки, поскольку предполагает, что политическое действие всегда составляет ядро, вокруг которого кристаллизуются стили мышления. Не всегда так должно быть. Мы только предполагаем, что в первой половине XIX века политика постепенно становилась ядром, вокруг которого развивались различия важнейших позиций как и «Weltanschauungen» различных общественных групп. В другие периоды кристаллизующей осью могла быть религия. Необходимо зато дальнейшее объяснение того, почему в рассматриваемый период политика играла эту решающую роль в создании стиля мышления. Ошибкой было бы, однако, слишком заострять границу между политикой и философией и признавать политическую мысль социально детерминированной в отличие от философии и других типов мышления. Такие различия между философией, политикой, литературой и т.д. существуют только в учебниках, а не в жизни; раз уж эти области принадлежат одному и тому же стилю мышления, они должны происходить из общего корня. Если только исследовать их достаточно глубоко, наверняка выяснится, что определенные философские положения лежат в основе всякого политического мышления и - таким же образом - всякая философия несет в себе определенный образец поведения и подход к миру. С нашей точки зрения, всякая философия представляет собой только более глубокую разработку определённого типа действия. Понять философию означает понять природу действия, лежащего в ее основе. Это «действие», о котором идет речь, представляет собой специальный, свойственный каждой группе, способ достижения социальной действительности. Максимально конкретные формы он приобретает в политике. Политическая борьба выражает цели и стремления, которые бессознательно, но систематически артикулируются во всех сознательных и полусознательных интерпретациях мира, характерных для данной группы.

Мы не хотим этим сказать, что всякий философ не лучше политического пропагандиста, или что он по необходимости приговорен к сознательной солидаризации с какой-то политической точкой зрения. Философ и даже изолированный мыслитель может совсем не отдавать себе отчета в политических импликациях собственных идей. И, несмотря на это, вырабатывать позиции и мыслительные категории, общественный генезис которых можно свести к конкретным типам политического действия. Например, Кант - это философ французской революции не потому, прежде всего, что он симпатизировал ее политическим целям, но потому, что форма его мысли (нашедшая отражение, скажем, в его понятии «рацио», в вере в постепенный прогресс, в общем оптимизме и т.д.) принадлежит к тому же роду, что и формы, составляющие движущую силу деятельности французских революционеров. Это та же самая форма деятельного освоения мира. Это она бессознательно создает категории и способы интерпретации, общие для тех, кто связан узами одного и того же стиля мышления.

Часть I

Современный рационализм и возникновение консервативной оппозиции

Социальная дифференциация отражается не только в различных течениях мысли, но также в более общей дифференциации духовного климата эпохи. Не только мышление, но даже способы чувственных переживаний различаются в зависимости от общественного положения.

Часто отмечалось, что самая характерная черта современного мышления состоит в попытках добиться полной рационализации мира. Развитие естественных наук есть не что иное, как последовательное стремление к этой цели, которая, несомненно, существовала и раньше. Нельзя отрицать, что какой-то рациональный элемент существ-

вовал в средневековой Европе или в цивилизации Дальнего Востока. Но в этих случаях рационализация оставалась частичной, поскольку слишком охотно переходила в иррациональность. Характерная черта капиталистического буржуазного сознания состоит в том, что оно не знает границ в процессе рационализации.

Современный рационализм как метод мышления находит наиболее отчетливое и радикальное применение в современных точных науках. В этой форме проявилась прежде всего оппозиция двум главным течениям мысли - с одной стороны, средневековой аристотелевской схоластике, с другой же - ренессансной философии природы. Нет лучшего способа понять новаторский элемент в рационализме современной науки, чем исследовать эти два течения мысли, которым он себя противопоставил.

Аристотелевская концепция мира составляла оппозицию рационализму, поскольку характеризовалась качественным подходом и утверждала, что форма вещи определяется телеологической целью, имманентно в ней заключенной. Новое мышление искало концепцию мира, объясняющую частности общими причинами и законами и представляющую мир как обычную сумму физической массы и физических сил. Стремясь преодолеть качественное мышление, современные ученые обратились к математике, которую сделали основой изучения природы.

Философия природы периода Ренессанса, сначала оказавшая значительное влияние на пионеров научного рационализма, составляла ему оппозицию, поскольку содержала магические элементы, а кроме того, делала выводы по аналогии. Этот аспект борьбы выявляет еще одну черту современного рационализма. Рационализм как противник качественного мышления и рационализм как противник мышления по аналогии и магических, - это два в основе своей различных явления, лишь случайно тогда объединенные.

Однако за обоими видами рационализма кроется позиция, которая их сближает. Это стремление не знать больше, чем можно выразить в для всех значимой и понятной форме, и только в этой степени и при этом условии включать знание в собственный опыт. Предпринимается попытка вычеркнуть из знания все то, что связано с конкретными особенностями и что может быть доказано только узким общественным группам, обладающим общими переживаниями. Нужно также ограничиться утверждениями, которые можно передать всем и всем доказать. Мы стремимся, таким образом, к знанию, которое можно сделать достоянием всего общества. Число и расчеты принадлежат той сфере сознания, которую каждому можно доказать. Новым идеалом знания стало, следовательно, доказательство такого рода, как доказательство математическое. Это означало приравнение истины к всеобщей закономерности. Мы начали с совершенно недоказанного предположения, что человек обладает знанием только тогда, когда может сообщить это знание всем людям. Таким образом, с социологической точки зрения равно антикачественный, основывается на разграничении знания и личности, а также конкретных социальных групп, ведя к их развитию в соответствии с совершенно абстрактными принципами (которые, однако, могут различаться между собой).

Характерная черта этой концепции знания состоит в том, что она игнорирует все конкретные и особенные аспекты предмета и все те человеческие познавательные возможности, позволяющие индивиду интуитивно понимать мир, не давая ему одновременно возможности сообщить всем своего знания. Она исключает весь контекст конкретных отношений, в которых укоренен всякий фрагмент знания. Теория, иными словами, принимает во внимание только общий опыт, который можно назвать общим в двух смыслах. Это относится ко многим объектам и правомерно для многих субъектов. Теорию интересуют только общие аспекты объектов, в человеке же она признает лишь силы «обобщающие» (то есть социализирующие) его, или Разум.

Эта «количественная» рационалистическая форма мышления стала возможной, поскольку появилась как часть новой духовной позиции и нового переживания мира, которую можно определить как «абстрактная» в сходном, но не идентичном смысле. Симптом этого изменения - угасание и вытеснение, пантеизма. сопутствующие тенденции к «количественному» подходу к миру.

Часто отмечалось, что рационализм современных наук о природе имеет свое соответствие в новой хозяйственной системе. Вместе с заменой натуральной системы хозяйства системой товарной происходит изменение отношения к вещам, а также аналогичное изменение мышления о природе с качественного на количественное. И здесь количественная концепция меновой стоимости сменяет качественную концепцию потребительской стоимости. В обоих случаях получает преобладание абстрактный подход, о котором мы говорили. Этот подход постепенно распространяется на все типы человеческого опыта. В конечном счете даже другого человека начинают трактовать абстрактно. В патриархальном или феодальном мире «другой человек» считается чем-то вроде самостоятельной единицы или, по крайней мере, членом органической общности. В обществе, основанном на товарном производстве, он также становится товаром, поскольку его рабочая сила представляет собой исчисляемую величину, которая трактуется наравне с другими величинами, а сам он склоняется постепенно к восприятию внешнего мира в категориях этих абстрактных отношений.

Остается, естественно, психологическая возможность иного отношения к людям и вещам, но существует также возможность абстрактного подхода к миру как подхода систематического и цельного. Что касается социологического фактора, способствующего развитию такого целостного рационализма, то обыденный взгляд, приписывающий его развитию капиталистической буржуазии, безусловно верен. Не следует, однако, трактовать эту формулировку слишком вульгарно. Речь не о том, что каждый отдельный представитель буржуазии всегда и везде проявляет такой подход к миру, но о том, что общественные цели буржуазии как пропагандиста капитализма сделали возможными такие последовательно абстрактные и основанные на калькуляции формы опыта. Другие социальные слои могли, конечно, разделять и присваивать такую позицию в отношении мира и среды. Однако она получила подавляющее преобладание и вытеснила другие тенденции среди тех общественных слоев, повседневная жизнь и труд которых были непосредственно связаны с отношениями этого типа.

Большинство попыток описания общих черт развития современной мысли касались исключительно развития рационализма. В результате возник образ ситуации, совершенно несоответствующий историческим реалиям и миру, какой мы знаем. По сути дела этот механизированный мир, эта абстрактная форма опыта и мышления совершенно не исчерпывают нашего знания об окружающей действительности. Целостная картина ситуации показала бы фальшивость одностороннего упора на рационализм, заставила бы нас признать, что интуитивные, качественные, конкретные формы мышления, отвергаемые рационализмом, вовсе не исчезли.

Наша проблема начинается в этой точке, а исследования консервативной мысли приобретают практическое значение. Мы хотим знать: что произошло со всеми теми важными отношениями и позициями и соответствующими им формами мышления, которые были вытеснены развивающимся цельным рационализмом? Отошли ли они в прошлое или каким-то образом сохранились? И если сохранились, то в какой форме дошли они до нашего времени?

Как и можно было ожидать, они действительно сохранились, но, как это часто бывает в истории, сошли в подполье и затаились, проявляясь самое большее как течения мысли, противоборствующие главному направлению. Они были замечены и развиты сперва теми социальными и интеллектуальными слоями, которые оставались за рамками процесса капиталистической рационализации или играли в его развитии пассивную роль. Личные, конкретные межчеловеческие отношения, прежде доминировавшие, сохранились в разной форме и разной интенсивности прежде всего в крестьянской среде, в группах небогатого мещанства, непосредственно происходившего от прежних ремесленников, и в аристократической традиции дворянства.

Отметим в особенности, что сохранение ненарушенной традиции религиозных сект, таких как «пиетисты», позволило их сторонникам сохранить такой образ жизни, такие подходы и способы переживания мира, особенно в религиозной жизни, которые неизбежно угасали в жизни буржуазии, когда она глубже втянулась в процессы капиталистического развития, равно как и в жизни промышленного пролетариата.

Но даже слои, связанные с развитием рационализирующих процессов капитализма, не вполне утратили прежние способы жизни. Определенные черты исчезли просто из официальной и публичной жизни их представителей. Однако их интимные отношения, в той мере, в которой они не были подорваны процессами развития капитализма, и дальше развивались непросчитываемым и нерациональным образом. Они не стали абстрактными. Более того, явление, о котором вспоминает Макс Вебер, то есть постепенный переход в частную сферу определенных сфер жизни, прежде считавшихся публичными (тех сфер, в которых доминируют личные и религиозные чувства), представляет собой по сути компенсацию за растущую рационализацию публичной жизни в целом - на заводе, на рынке, в политике и так далее.

Таким образом, иррациональное изначальное отношение человека к человеку и человека к вещи было вытеснено на периферию капиталистической жизни, причем в двояком смысле. Во-первых, оно оказалось вытеснено на периферию жизни индивида. постольку, поскольку в отличие от возрастающего рационального развития более репрезентативных сфер жизни только интимные и частные межчеловеческие отношения смогли, таким образом, выжить. Во-вторых, в более узком смысле, связанном с общественной стратификацией, именно представители нового общественного уклада - буржуазия и пролетариат, все глубже погружались в новые способы жизни и мышления, в то время как на периферии нового общества - среди дворянства, крестьян и небогатого мещанства - старые традиции остались живы. Здесь сохранились зародыши стиля мышления и жизни, который некогда господствовал во всем мире. Долгое время они оставались в укрытии и не проявлялись как явная тенденция, пока не начали соответствовать общественной борьбе и не были переняты контрреволюционными силами, которые написали их на своих знаменах.

Социологическое значение романтизма состоит в его функции исторического противника мыслительных тенденций Просвещения, то есть противника философских представителей буржуазного капитализма. Романтизм использовал скрытые формы жизни и мышления, спасал их от забвения, сознательно их разрабатывал и развивал и в конце концов противопоставлял рационалистическим способам мышления. Романтизм перенял именно такие сферы жизни и поведения, которые существовали как подводные течения в главном направлении рационализма буржуазии. Он поставил себе целью спасти эти элементы, придать им новые достоинства и ценность и защитить от гибели. «Сообщество» противопоставлялось «обществу», если воспользоваться определением Тенниса, семья - договору, интуитивная уверенность - разуму, духовные переживания - материальным. Все эти частично скрытые факторы, лежащие в основе повседневной жизни, неожиданно благодаря рефлексии были обнажены и сделаны предметом борьбы.

Известно, что романтизм развивался со времен Просвещения как антитеза по отношению к его тезису. Ни один антитезис не может избежать влияния со стороны его тезиса, которому он противостоит, так и романтизм постигла та же самая парадоксальная судьба. Его структура сформировалась под преобладающим влиянием подходов и методов того самого движения Просвещения, в оппозиции к которому он родился и развивался.

Романтизм старался спасти вытесненные иррациональные силы, защищал их в конфликтах, но не замечал, что сам факт обращения на них внимания означал их неизбежную рационализацию. Романтизму удалось рационализировать то, чего Просвещение не рационализировало бы никогда не только потому, что его методы оказались бы неподходящими для этой цели, но также и потому, что соответствующий психический материал никогда не был бы достаточно важен, чтобы на него обратили внимание. Иррационализм как и все остальное в этот период можно понять только в категориях доминирующего интеллектуального климата. Когда этот климат рационалистичен, даже иррациональные элементы должны быть облечены в рациональную оболочку, чтобы быть понятыми. Таким образом, романтизм можно считать собиранием и спасением всех тех позиций и способов жизни, которые в конечном счете имеют свой источник в религии и которые были вытеснены капиталистическим рационализмом. Но это соби-

рание и сохранение произошло на уровне рефлексий. Романтизм по сути дела не реконструировал и не оживлял Средневековье, религию и иррационализм как основы и источники жизни; он сделал нечто совсем иное: стал рефлексивным и мыслительным пониманием этих сил. Не такой была, по крайней мере изначально, цель романтизма. Но постепенно романтизм вырабатывал соответствующие методы, типы опыта, понятия и средства экспрессии для выражения всех тех сил, которые никогда не были доступны Просвещению. Однако они были извлечены на поверхность в старой форме не как естественная основа общественной жизни, но как намерение, как часть программы.

Если подойти к проблеме социологически, то эти факторы, однажды извлеченные на уровень рефлексии, стремились к объединению с определенными антикапиталистическими тенденциями. Все те общественные слои, которые не были непосредственно заинтересованы в развитии капитализма, а скорее ставились им под угрозу, более того — были связаны традицией с утраченными способами жизни, свойственными различным докапиталистическим периодам общественного развития, использовали эти открытия против буржуазии и промышленного развития. Исторический союз просвещенной монархии и предпринимателя означал, что обе эти силы были заинтересованы в рационализме, в то время как феодальные властители, мелкие крестьянские собственники и слои небогатого мещанства, вышедшие из старых ремесленных цехов, в разной степени были заинтересованы в романтизме. Когда романтические элементы появились в сознательной, отрефлектированной форме, все названные слои способствовали их развитию. Это касается особенно культурной борьбы, в которой сознательно используются данные элементы, поскольку в то время слои, о которых говорилось выше, перетрясали сундуки романтиков в поисках чего-либо, что можно включить в собственную идеологию.

Цель наших рассуждений, таким образом, состоит в следующем: мы должны не только указать, каким образом правая общественная и политическая позиция начала борьбу против политической и экономической доминации развивающегося капитализма, но также как она противостояла ему мыслительно, собирая все те духовные и интеллектуальные факторы, которым грозило уничтожение в результате победы буржуазного рационализма, доходя даже до выработки «антилогики».

Обычно считается, что социалисты были первыми критиками капитализма как общественной системы. Однако на самом деле мы встречаем много данных, свидетельствующих о том, что эта критика изначально исходила из кругов правой оппозиции, а затем постепенно была перенята оппозицией левой. Следует, конечно, выяснить, какие перестановки акцентов делали возможным принятие правых мотивов левыми.

По сути дела способ мышления, возникший вместе с появлением пролетариата и его общественных целей, имеет много общего с мышлением, связанным с правой оппозицией. Однако нельзя не заметить и существенных структурных различий. Пролетариат появился в результате развития капитализма: он представляет его особый продукт и не имеет традиций, выходящих за рамки капитализма. «Четвертое сословие» является не сословием, а классом. Его члены сплывались в один общественный класс через отрыв от тех «сословий» и «органических групп», в которых жили их предки. Вместе с появлением нового мира сословия стали отходить в тень, вытесняемые классами. Последние во все большей степени перенимали функции формулирования коллективных действий. Но, несмотря на это, многие группы, особенно те, которые имели сильные локальные и негородские корни, проходили эту трансформацию только частично, среди же городских групп ремесленники сохранили многие черты цеховой ментальности. Сам пролетариат, загнанный в фабрики, развился из совершенно пассивной массы в совершенно новый класс с собственными традициями. Поскольку, однако, это новое социальное образование появилось в рамках рационалистической эпохи, оно должно было проявлять черты рационального мышления в еще более высокой, вероятной степени, чем буржуазия. Ошибкой было бы, однако, видеть в пролетарском рационализме только вариант рационализма буржуазного.

Собственная внутренняя динамика, логика собственного положения подталкивает этот тип рационализма к превращению в специфический вариант иррационализма.

Пролетарский способ жизни по сути своей рационален, поскольку положение пролетариата вынуждает его планировать революцию еще более расчетливым способом, чем в случае с буржуазией. Пролетариат даже из революции делает предмет бюрократического администрирования, превращает ее в «общественное движение». Однако этот вариант рационализма и бюрократического администрирования имеет не много общего со стремлением к прочитываемости, так характерным для победоносной буржуазии. Пролетарский рационализм, поскольку он находится в оппозиции, никогда не может обойтись без иррационального элемента, лежащего в основе революционных действий. Утопический идеал буржуазии основан на таком расчете деятельности каждой фирмы, который позволил бы исключить элемент риска. Идеал этот невыполним, и риск, и ненадежность остаются чертами капиталистического предпринимательства только потому, что капиталистический мир подвергся только частичной рационализации и только частично опирается на плановую экономику.

С другой стороны, даже тогда, когда можно оценить в процентном отношении шансы на успех (скажем, в случае забастовки — благодаря забастовочной статистике), действия не зависят только от результата расчетов, поскольку шансы проигрыша по сути дела вычислить невозможно. Революционный порыв всегда остается непредсказуемым фактором.

Становится вполне ясно, что общественная позиция пролетариата подталкивает его к иррационализму. Попытка революций, пусть даже планируемая и научная, неизбежно связана с иррациональным хилиастическим элементом. Это и есть принципиальное сходство с контрреволюцией.

Пролетарская мысль во многих пунктах родственна мысли консервативной и реакционной, поскольку, исходя из совершенно отличных основных целей, оказывается вместе, с консервативной мыслью в оппозиции к целям капиталистического мира буржуазии и абстрактности ее мышления. Дальнейшее исследование, которое мы не станем здесь предпринимать, имманентных судеб иррациональных экстатических элементов пролетарской мысли, наверняка, показало бы, что они в конечном счете происходят из чего-то, что можно было бы назвать «экстатическим сознанием». Следовало бы показать, как от самого своего рождения в крестьянских бунтах XVI столетия эти зародыши стали началом всех революций, и как они сохранились в качестве составного элемента весьма в то же время рационализированного пролетарского мировоззрения. Мы имеем здесь дело с соединением самого крайнего рационализма с самыми крайними иррациональными элементами, что указывает, насколько то, что «иррационально», при ближайшем анализе оказывается более сложным явлением, чем мы склонны были видеть вначале.

Исчерпывающий анализ должен был бы показать фундаментальные различия между иррациональными факторами, представляющими продукт «экстатического сознания», и иным типом мышления, который мы для краткости определяли до сих пор, как остатки старых религиозных традиций и взглядов, и к которым обращались романтики в поздний период своей деятельности.

Есть еще один пункт сходства революционного сознания пролетариата и консервативной традиции - диалектика. У Маркса это была внутренняя необходимость, вытекающая из перенятия идей диалектики консерватора Гегеля. Понятие диалектики - логической последовательности тезиса, антитезиса и синтеза - выглядело на первый взгляд необычайно рационально, и фактически представляло собой попытку сконденсировать весь процесс развития в одну логическую формулу, представить всю историческую действительность доступной рациональной дедукции. Этот вид рационализма совершенно отличается, однако, от того, который находит свое выражение в буржуазном идеале естественных наук. Такой тип рационализма ставит себе целью выяснение общих законов природы; это демократический, а не диалектический вариант мышления. Ничего удивительного, что последнее, демократическое и научно ориентированное поколение социалистов сделало все, что было в их силах, для освобождения марксизма от диалектического фактора.

Таким образом, более пристальный взгляд на рационализм показывает, что он

имеет разные варианты, которые мы должны разграничивать, подобно тому, как мы констатировали: необходимо различие иррационализма экстатического и созерцательного (мистического, романтического).

В ходе дальнейших рассуждений мы поймем, что диалектика Гегеля помогает решать проблемы по сути своей романтические, которые в дальнейшем возникают в рамках исторической школы.

Основная функция диалектики состоит в рациональном объяснении «исторической личности» - личности во всей ее исторической разнородности и неповторимости. В рациональном поиске законов и обобщений индивид, как правило, теряется, но диалектический подход возвращает его как составляющую неповторимого процесса исторического развития и прогресса. Таким образом, попытка понять принципиально иррациональный, исторически неповторимый индивид в рациональных категориях ведет к парадоксу в рамках диалектики, поскольку способствует созданию варианта рационализма, который должен вести к отрицанию самого рационализма.

Другая функция всякой диалектики, связанная с ее внутренним смыслом, а не внешней формулой, состоит в прослеживании - «внутренней линии» развития цивилизации. Она снова рационализирует нечто в основе своей иррациональное и чуждое недиалектическому естественно-научному мышлению.

В-третьих, диалектика - это подход, ведущий к открытию смысла в историческом процессе. Это философская рационализация истории. Ее следствием является такая форма рациональности, которую трудно согласовать с позитивизмом естественных наук, чуждых всяким этическим оценкам и метафизике вообще.

Принимая во внимание все сказанное, мы должны признать, что уже через Гегеля совершается тесный союз между рационализмом и консервативной мыслью несмотря на то, что последняя далека от естественно-научного рационализма, считающего все исчислимым. То обстоятельство, что марксизм мог далеко идти рука об руку со школой исторического мышления Гегеля, что на его основе вообще возможно было противостояние пониманию законов природы в буржуазной мысли по тому же самому принципу как и в исторической школе, хотя и с иной точки зрения, показывает, что здесь имелись общие элементы, которые не следует упускать из виду.

Тем не менее, несмотря на все родство и сходство между мыслью пролетарской и консервативной, основа пролетарской ментальности строго рациональна и по сути дела связана с позитивистской тенденцией буржуазной философии. Позитивистский подход проявляется в методе, в котором пролетарская философия истории доказывает связь динамики событий с экономической и общественной сферой, интерпретируя движение мысли в категориях общественного движения, основанного на экономической организации общества. В этот момент пролетарская мысль воплощает постепенно развивающееся буржуазное понятие примата экономической сферы. Пролетарская мысль, таким образом, рациональна постольку, поскольку должна пройти через капитализм как необходимый этап своего исторического развития. В определенном смысле она даже более рациональна, поскольку не только вынуждена принимать развитие капитализма, но вдобавок ускоряет его темпы. Однако в той же степени она иррациональна, поскольку вынуждена основываться на «самоотрицающей» тенденции в капитализме; это самоотрицание представляет фактор иррациональный или даже «надрациональный» в противоположность непосредственно наблюдаемому конкретному переплетению причинных взаимозависимостей, рассматриваемому в буржуазной рациональности.

Поле наших рассуждений сужается. Мы будем заниматься строго определенной фазой в развитии мысли. Наша проблема состоит в прослеживании развития консервативной мысли в первой половине XIX века в Германии и в выявлении связи этого развития с общественным фоном эпохи.

*Перевод подготовлен в лаборатории теории
и истории культуры ИНИОН РАН*